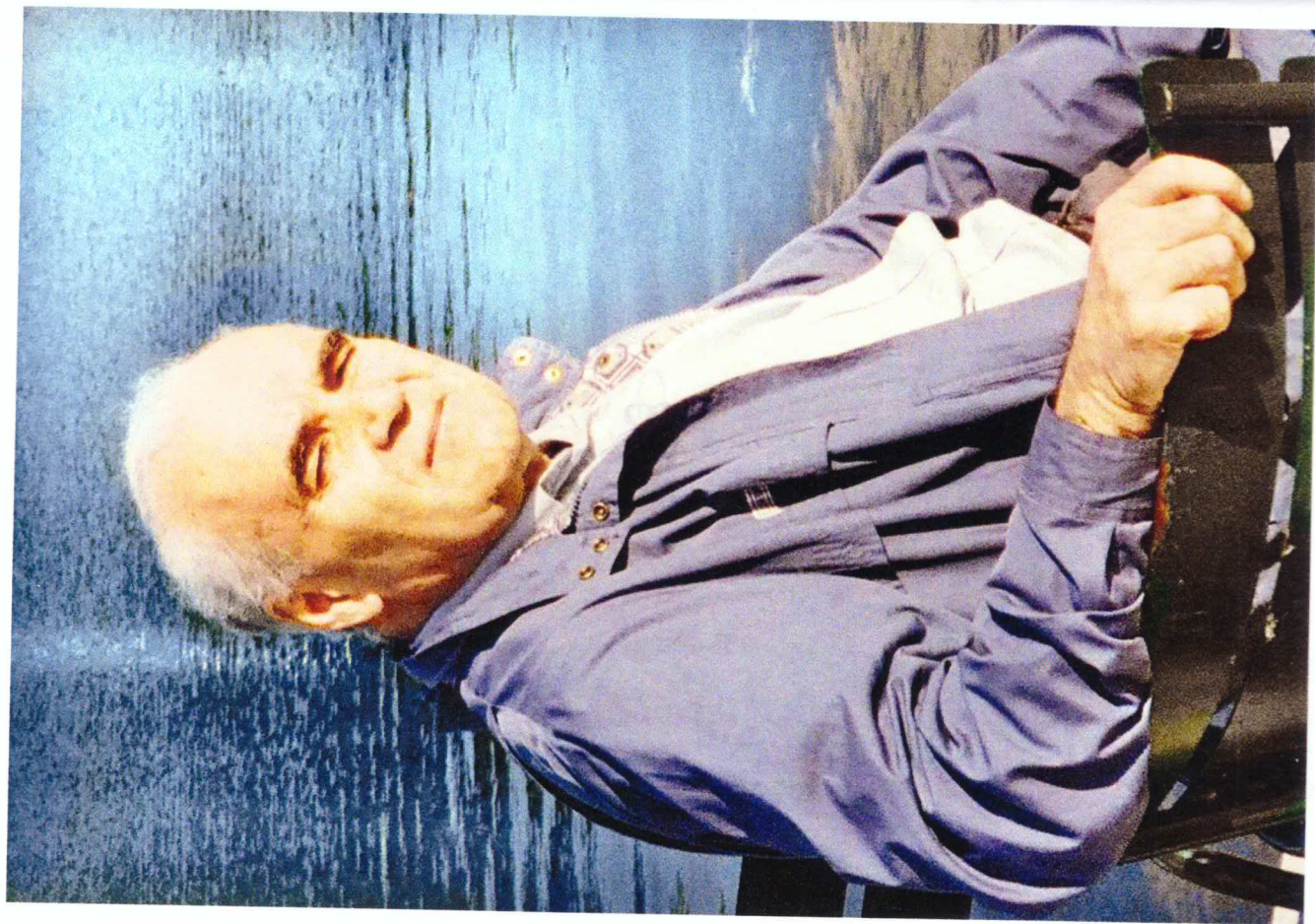

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
филиал Федерального государственного бюджетного науч.
учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарски»
научный центр Российской академии наук»

КАВКАЗСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова

Сборник научных статей

УДК 80
ББК 80(235.7)
К12

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор:

доктор филологических наук Б. Ч. Бижоев

Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию
К 12 Мухадина Абубекировича Кумахова: сборник научных статей. –
Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 460 с.
ISBN 978-5-91766-157-5

В сборнике представлены научные статьи, написанные на основе докладов, прозвучавших на Международной научной конференции «Кавказская филология: история и перспективы», приуроченной к 90-летию выдающегося кавказоведа Мухадина Абубекировича Кумахова. Они посвящены актуальным проблемам кавказской филологии и охватывают по своей тематике языкознание, литературоведение, фольклор народов Северного Кавказа и Закавказья. Ряд статей непосредственно освещают жизнь и научную деятельность доктора филологических наук, профессора М. А. Кумахова.

Отдельное внимание уделено междисциплинарным направлениям современной филологической науки: этнографическому дискурсу, лингвокультурологии, лингвокультурологии. Рассматриваются также вопросы изучения и преподавания языков и литератур малочисленных народов в учебных заведениях различных уровней.

Издание адресовано научным работникам гуманитарного профиля, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также всем читателям, интересующимся проблемами кавказской филологии.

УДК 80
ББК 80(235.7)

ISBN 978-5-91766-157-5

© ИГИ КБНЦ РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	9
ПРИВЕТСТВИЯ В АДРЕС КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ М. А. КУМАХОВУ	10
О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУХАДИНА АБУБЕКIROVИЧА КУМАХОВА	
Абрегов Ачердан Нухович. Корифей абхазо-адыгского языкознания	13
Вамлинг Карина. О зарубежной научной деятельности профессора М. А. Кумахова	16
Биццо Борис. Адыгэ бзэщIэныгъэм и шу пашэ	19
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, СТРУКТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ	
Абазова Марита Мухамедовна. К вопросу о вкладе М. А. Кумахова в изучение языка адыгов и убыхов за рубежом	27
Абрегов Ачердан Нухович. К этимологии адыгской номинации человека (каб.-черк. <i>цIыгу/ адыгейск. цIыфы</i>)	33
Алов Тимур Хазранлович. До глототомии: этнографический дискурс о черкесском языке до институциональной интервенции в его пространство	37
Алхасова Светлана Михайловна. Проблемы научной терминологии в кабардино-черкесском языке	45
Атажахова Сайхат Туркубиевна. Структурообразующие члены предложения в адыгейском и русском языках	51
Афаунова Анджела Анатольевна. Исследования междоментных и звукоподражательных слов кабардино-черкесского языка в трудах М. А. Кумахова	56
Баранова Александра Юрьевна, Абрегов Ачердан Нухович. К выражению понятия «человек» в разносистемных языках (на материале славянских и кавказских языков)	64
Бгажников Барасби Хачимович. Поздравления в языковом сознании и поведении черкесов (адыгов)	68
Биданок Марзият Мутдиновна. Отрицание как объект в работах отечественных языковедов	79
Бижева Зара Хаджимуратовна. Лингвокультурологический аспект адыгской этической парадигмы	84
Ворокова Надежда Умаровна, Шериева Инна Гумаровна. Символика негативных эмоций в кабардино-черкесской фразеологии	88

Габунна Зинаида Михайловна. О вкладе выдающегося ученого М.А. Кумахова в общее и кавказское языкознание	94	Токмакова Мадина Хасанбиевна. Антонимические связи фразеомотивов в кабардино-черкесском языке	243
Гишев Нух Туркубиевич. Деминург адыгской лингвистики	99	Унатлоков Вячеслав Хаутиевич, Унатлокова Ляна Султановна. Номинативные трансформации адыгских ботанических терминов в осетинском и карачаево-балкарском языках	253
Гукетлова Фатима Нашировна, Бербекова Фатима Артуровна. Концепт «срасота» как развернутый знак соматического кода культуры	108	Хежева Марияна Рашадовна. Числительное и «восемь» в кабардино-черкесском языке: семантические особенности и функционирование	259
Дзидзария (Дзари-ина) Отар Платонович. Диалектная база абхазского литературного языка	117	Хутежев Заудин Галиевич. Синтаксические функции собственных имен в афоризмах кабардино-черкесского языка	265
Дзуганова Рита Хабаловна. Особенности функционирования преверб <i>шы-</i> в глаголе кабардино-черкесского языка	123	Шокарова Оксана Аминовна. Проблема толкования этноспецифической лексики в «Словаре кабардино-черкесского языка» (М., 1999)	273
Дышескова Марина Рамазановна. Репрезентация концепта «женщина» в паремиях кабардино-черкесского языка	136	Шугушева Джулета Хабасовна, Езаова Мадина Юрьевна. Фразеологическая репрезентация концепта <i>утыку</i> «центр» в произведениях А.П. Кешокова	277
Жылтэтеж Хь-жысемел. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэ цӀэнапшӀэхэр	146		
Зыгъ-эзж Тимур. Дунейм ехыжам кӀэлъызэрэхэз хабзэхэмрэ даудадпэхэмрэ ехъэллӀа псалъэхэр	153	ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ, ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ	
Иванов Нурби Рашидович, Бижоев Борис Чамалович. К вопросу о происхождении некоторых адыгских (черкесских) слов	161	Абазз Ибрэхым. Адыгэбзэр мыкӀуэдыжын папщӀэ лэжыпхъэхэр	282
Ионова Лёля Магометовна. Словообразовательные модели имен существительных в кабардино-черкесском языке	170	Ахилджак Бэлла Нальбиевна. Функционирование ментальных лексем как способ создания языковых ситуаций в авторском адыго-английском языковом сознании	287
Карданов Мусадин Латифович, Клишева Елена Аслановна. Лексико-семантические группы в кабардино-черкесском языке	175	Ахилджаква Марьет Пшимифовна. Взаимосвязь языка и культуры как фактор развития языковой ситуации в полиэтническом пространстве	292
Къ-ардэн Мусэдін. Адыгэбзэм аффикс морфемэхэр кулшӀэкӀэ лъабжьэхэм зрахуэкӀуэ шӀыкӀэм епха Іуэхугъуэхэр	180	Кузоева Анжела Федоровна. Обучение национальным языкам: проблемы и перспективы	301
Клягина Евгения Сергеевна, Аркадьев Пётр Михайлович. Категория сверхпрошлого в западнокавказских языках	192	Новиков Александр Николаевич. Пространственно-семантические парадигмы реализации билингвального сознания в межкультурной коммуникации	306
Кремшюкалова Марина Чафленовна. Особенности текстового построения кабардинских благопожеланий (хохов)	198	Осипов Георгий Анатольевич. Языковая ситуация в современном англоязычном пространстве: способы реализации новой терминологии	311
Ландер Юрий Александрович, Архангельский Тимофей Александрович, Багиркова Ирина Гаруновна. Некоторые особенности адыгейского электронного корпуса	207	Хъуажь Фахъри. Адыгэбзэмрэ анэдэлъхубзэ политикэмрэ	322
Лихова Ната Урусбиевна. Выражение концепта «время» в абхазском языке	213		
Мураткова Фаризат Хамзетовна. Функционирование названий одежды в абазинском языке	219	ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ КАВКАЗА И ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	
Пазов Сергей Умарович. Усилительно-подтвердительная частица <i>гъ(ы)-</i> и особенности ее употребления в структуре отрицательного глагола в абазинском языке	226	Абазов Альбек Чамирович. Черкесская детская стихотворная считалка «Инамуко»: к вопросу изучения объясняющей метафоры	337
Тания Эва Шавелевна. Названия диких животных в абхазском языке	231	Абазов Альбек Чамирович. Описание единоборства этрусков на гробнице авгуров В Тарквинии и черкесское <i>ІэпцӀэрыбанэ</i>	347
Тания Расидац Шуляевна. О национальных абхазских детских играх в сравнении с английскими играми	236		
Тихонова Аза Петровна. Выявление родства хаттского и абхазо-адыгских языков на лексическом и словообразовательном уровнях	236		

Анчек Сурет Хазретовна. Вклад М.А. Кумахова в становление и развитие адыгской лингвофольклористики	353
Берберов Бурхан Абуосуфович. Жив язык – жив народ	360
Гузиева (Сарбашева) Алена Мустафиевна. К типологии категории трагического (на материале балкарской литературы)	366
Жачеумук Зарима Рамазановна. Традиции фольклора в поэзии Нальбия Куека	374
Ионов Зауаль Хаджи-Муратович. Особенности языка и жанров новейшей адыгской литературы в Турции	379
Ионова Сара Хасамбиевна. Языческий обряд вызывания дождя у абазин и этимология <i>адзан</i> , <i>дзиджара</i> , <i>псых/вагваца</i>	387
Кудиева Зинаида Жантемировна. Нарт Сосруко в адыгской мифо-эпической традиции	395
Кучукова Зухра Ахметовна, Бегиева Жанна Алексеевна. Северокавказское, русское и французское в образе Джаннет (на материале рассказа А.В. Дружинина «Mademoiselle Jeannette»)	403
Малаева Фатима Бубовна. «Я мост меж двух столетий...»	407
Мамчуева Фатима Османовна. Драматургическое творчество Муссы Батчаева	413
Ситимова Сара Саферовна. О комплексном изучении адыгского фольклора	419
Хабекирова Халиба Адамеевна. Материнское молоко в представлении черкесов	429
Хажокова Людмила Борисовна, Шогенова Эмма Аслановна. Становление и эволюция сонета в кабардино-черкесской поэзии	438
Харатокова Марьят Губедовна, Хамсирокова Лилия Мухарбиевна. Роль пословиц при проявлении почтительности в абазинском этикете	449
Хуако Фатимет Нальбиевна. Постмодернизм в прозе адыгских авторов нового века	454

ОТ РЕДАКТОРА

Книгу, лежащую перед вами, составляют научные статьи, написанные на основе докладов, представленных на Международной конференции, организованной такими солидными исследовательскими центрами, как Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН и Институт языкознания РАН. Названный форум был посвящен, как и этот сборник, 90-летию со дня рождения выдающегося кавказоведа Мухадина Абуекировича Кумахова.

Деятельность М.А. Кумахова составляет целую эпоху в истории развития абхазо-адыгского языкознания, эта эпоха стала периодом наивысшего расцвета кавказоведения в первую очередь благодаря монументальным трудам Мухадина Абуекировича. Не случайно я привожу термин «кавказоведение», а не «лингвистика»: ведь невозможно найти хотя бы одно направление кавказоведения, куда Кумахов не внес весомую лепту – будь это история, или этнография, или фольклор и т.д.

Исходя из этого, мы расширили тематику работ, вошедших в данный сборник. Значительная часть из них принадлежит к непосредственным ученикам М.А. Кумахова, которых у него множество, и ученикам его учеников. Можно смело утверждать, что они ныне являются локомотивом дальнейшего продвижения гуманитарной науки абхазо-адыгских народов, т.е., без всякого сомнения, в названном направлении науки сейчас лидирует «школа Кумахова». Именно поэтому можно утверждать, что Мухадин Абуекирович и сейчас с нами, его книги являются нашим путеводителем и наставником, а его светлый образ для нас всегда будет образцом настоящего интеллигента и неутомимого труженика, полностью отдавшего себя служению своему народу и Отечеству.

Статьи выходят, в основном, в том виде, в котором они представлены их авторами. Правда, все же мы позволили себе кое-где откорректировать стиль, а также исправить орфографию и пунктуацию. Научным статьям предпослан небольшой раздел сборника, куда мы сочли уместным поместить несколько приветствий, поступивших в адрес конференции и ее участников, и текстов выступлений, посвященных непосредственно жизни и деятельности М.А. Кумахова.

Б. Ч. Бижоев

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДЫГЕЙСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА

Ландер Юрий Александрович, канд. филол. наук,
НИУ «Высшая школа экономики», Институт востоковедения РАН
e-mail: yulander@yandex.ru

Архангельский Тимофей Александрович, канд. филол. наук,
Гамбургский университет, Германия
e-mail: timarkh@gmail.com

Багиркова Ирина Гаруновна,
Институт языкознания РАН, НИУ «Высшая школа экономики»
e-mail: ibagirokova@yandex.ru

Аннотация: В работе описываются формальные и концептуальные решения, принятые в разрабатываемом авторами электронном корпусе адыгейских текстов. Рассматриваемые решения связаны с тем, как производятся автоматический морфологический разбор адыгейских текстов, требуемый для грамматической аннотации морфем и словоформ.

Ключевые слова: Адыгейский корпус, адыгейский язык, корпусная лингвистика.

1. Введение

Языковые корпуса – электронные коллекции текстов, сопровождаемых разметкой, которая позволяет проводить автоматический поиск по имеющемуся материалу, – за короткое время стали неотъемлемой частью лингвистики. С их помощью можно проследить, как язык используется в реальности. Противопоставление корпусных данных, полученным в результате интроспекции или экспериментов, и делает их полезными не только для лингвистов, но и для педагогов, литературоведов и фольклористов, историков: при условии, что в корпусе представлен достаточный материал, с помощью чего можно наблюдать вариативность в языке в зависимости от времени, особенности стили авторов и текстов, определять более и менее употребимые выражения.

Особенно важными для решения этих задач оказываются, во-первых, объем корпуса, а во-вторых, представленность в нем разнообразных текстов. Не удивительно, что в первую очередь корпус создаются для наиболее крупных языков – как из-за популярности их исследования, так и благодаря тому, что для них имеется больше доступного материала. Естественно, и архитектура корпусов фактически подстраивалась именно под наиболее крупные языки – прежде всего, под европейские.

Абхазо-адыгские языки находятся в этом отношении в двойном положении. С одной стороны, живые абхазо-адыгские языки обладают некоторой литературной традицией, что уже позволяет говорить о задокументированности письменных языков и делает возможным создание соответствующих корпусов. С другой стороны, типологически эти языки значительно отличаются от языков, которые оказали влияние на обычные представления о том, как должен выглядеть корпус. Несмотря на это, а отчасти и благодаря этому (ибо создание корпуса такого языка фактически стало вызовом для мировой корпусной лингвистики), в 2014 году началась работа над адыгейским корпусом, снабженным грамматической разметкой, которая является результатом автоматического (!) анализа словоформ – и тем самым может быть получена для большого количества текстов.

Основной анализа адыгейских текстов стал подход к адыгейскому языку, разрабатываемый в рамках проекта исследования абхазо-адыгских языков в рамках экспедиций, которые организовывались и организуются Российским государственным гуманитарным университетом и НИУ «Высшая школа экономики». Этот подход, отчасти, но не в окончательном виде отраженный в сборнике [3], во многом основывался на уже имеющихся детальных описаниях адыгейского языка (прежде всего, [11; 20]), и на работах по внутригрупповому сравнению вроде [4; 6; 7; 8; 9; 12; 16]. Одновременно участники этого проекта пытались учитывать и типологические запросы к материалу, что обуславливало его специфику. Ниже мы опишем некоторые особенности адыгейского корпуса, которые необходимо учитывать при его использовании.

2. Принципы представления морфологической информации

Как и в других полисинтетических языках, морфология в адыгейском языке играет намного более важную роль в построении высказывания, чем в непалисинтетических европейских языках. Не случайно, в адыгейском корпусе информация о морфологической структуре (например, наличие и расположение тех или иных морфем и их комбинаций) оказывается крайне существенной для учета и поиска словоформ (см. подробнее [13]). Для отображения этой информации в адыгейском языке, в котором за редкими исключениями слова четко делятся на морфемы, в адыгейском корпусе используется система морфологического глоссирования, которая следует основным принципам морфологической нотации, принятым в типологии (см., например, [18; 19]). Вкратце эта система может быть представлена следующим образом. Слова делятся на морфемы, разделяемые дефисом, и такой последовательности мор-

фем приводится соответствие последовательности семантически/функционально мотивированных условных обозначений, данных этим морфемам, как в следующем примере:

къы-т-фы-тыр-а-р-и-гъэ-лъ-хъа-гъ
DIR-1PL.IO-BEN-LOC-3PL.IO-DAT-3SG.ERG-CAUS-лежать-
уносить-PST

Он заставил их положить это туда для нас.

Условное представление в виде глоссирования позволяет, в частности, искать морфемы и их комбинации, отвлекаясь от проблемы существования алломорфов (в адыгейском языке, как правило, обусловленных морфонологически), а также объединять морфемы в классы (например, любые личные префиксы непрямого объекта могут быть найдены без уточнения лично-числовых характеристик как PERS.IO). Кроме того, такое представление делает корпус более доступным для типологов, знакомых с общим строем адыгейского языка, но не с конкретными его морфемами.

При этом, однако, сохраняется проблема выделения морфем и их значений: в разных работах могут быть приняты разные решения по этому поводу. Мы руководствуемся в первую очередь **принципом формального обоснования**: морфемы выделяются на основе их формальных свойств. Соответственно, мы почти (!) не учитываем при выделении и противопоставлении морфем их семантику. В то же время нами учитываются морфонологические свойства и сочетаемость морфем, что, например, позволяет противопоставить суффикс номинализации образа действия творительному падежу (ср. *я-гъушыса-к/э* 3PL.P+POSS-думать-NMZ.MNR 'образ мыслей' vs *я-гъушысэ-к/э* 3PL.P+POSS-думать-INS 'их мыслями'); для последней формы, впрочем, разбор с номинализацией тоже допустим в определенных контекстах). Основная мотивация следования принципу формального обоснования – это то, что поморфемный разбор словоформ производится автоматически, а формальную сочетаемость морфем задавать правилами проще, чем семантическую. Это приобретает особое значение для языков типа адыгейского, где многие морфемы обладают исключительно широкой сочетаемостью. Многочисленные следствия принципа формального обоснования мы увидим ниже.

3. Особенности терминологии

Принятая в корпусе терминология, в том числе терминология, которая лежит в основе используемых нами глосс и используется при запросах, может быть не всегда привычна отечественному читателю.

Типичный пример – названия падежей. Для показателей двух ядерных адыгейских падежей используются сокращения ABS (абсолютивный падеж – соответствует именительному падежу в традиционных описаниях) и OBL (косвенный падеж – соответствует эргативному падежу в традиционных описаниях). И в том и в другом случае выбор оправдан типологически. Термин «именительный падеж» плохо применим к показателю *-р* уже потому, что этот маркер не используется при обозначении наименования; термин «абсолютив» является стандартным при описании эргативных языков (см., например, [14]). Термин «эргативный падеж» неудобен, так как он ориентируется только на одну функцию соответствующего падежа – маркирование агенса при переходном глаголе, в то время как этот падеж используется вообще при наличии соответствующих лично-числовых префиксов где-либо – в том числе при маркировании непрямого объекта, посессора, а иногда и абсолютивного актанта [2, с. 80–83]. Вместо термина «эргативный падеж» используется понятие косвенного падежа – как второго ядерного падежа, особенно в двухпадежных системах [1], к которым близка адыгейская. Для глоссирования показателей периферийных падежей принимаются обозначения INS («инструменталис» – для творительного падежа) и ADV («адвербиалис» – для так называемого превратительного падежа). Если первая глосса наряд ли должна вызывать сложности, вторая оправдана скорее тем, что автоматическое глоссирование рассматривает морфему *-эу* как единую, независимо от того, маркирует ли она именные группы в функции «вторичной предикации» [21], образует ли наречные или деепричастные выражения, и нам неизвестны формальные морфологические основания для противопоставления этих функций.

Проблема терминологических различий, естественно, не является принципиальной, если она сводится к простому переводу из одной системы терминов в другую. Ниже, однако, мы коснемся нескольких более сложных вопросов, для которых приходилось принимать концептуальные решения.

4. Некоторые концептуальные особенности

Личные префиксы. В корпусе противопоставляется абсолютивная серия личных префиксов (PERS.ABS), серия личных префиксов непрямого объекта (PERS.IO) и серия эргативных личных префиксов (PERS.ERG). Важно, что в отличие от многих описаний, мы избегаем использование терминов вроде «субъект»/«подлежащее», «прямое дополнение», поскольку считаем их в большей степени ориентированными не на форму, а на функцию. Абсолютивная серия в литературном адыгейском

обычно отличается огласовкой *-ы*, располагается в начале словоформы и может представлять как то, что переводится на русский язык подлежащим (прежде всего, в отсутствие эргативного личного префикса), как и то, что переводится на русский язык прямым дополнением (обычно при наличии эргативного префикса), хотя собственно перевод, разумеется, не должен считаться мериллом грамматической интерпретации. Специально отметим, что префикс *мэ-* в корпусе трактуется не как личный префикс, а как показатель динамичности (ср. [11]), хотя в литературе встречаются и другие трактовки [9; 16, с. 40].

Аппликативы. Конструкции с непрямыми объектами, как правило, включают помимо личных префиксов соответствующей серии (формально отсутствующих при 3 лице единственного числа и не отражаемых при глоссировании), показатели, до некоторой степени специфицирующие семантическую роль непрямого объекта, – аппликативы (показатели, вводящие дополнительный участника в качестве актанга; см. обсуждение в [2; 10; 17]). В традиционном адыговедении (см., например, [11]) подобные показатели фактически описываются в нескольких разделах: категория объектной версии (*с-а-ф-и-гъэ-хъазыры-гъ* 1SG.ABS-3PL.IO-BEN-3SG.ERG-CAUS-готовый-PST ‘он меня к ним подготовил’), категория союзности (*а-дэ-з-гощы-цт* 3PL.IO-COM-3SG.ERG-делить-FUT ‘я это с ними разделю), локативные проверки (*а-тыр-и-гъэ-ты-цты-гъ* 3PL.IO-LOC-LOC-CAUS-стоять-AUX-PST ‘он заставлял его стоять на них’), категории префиксального потенциалиса (*кы-с-фэ-шы-цт-эн* DIR-1SG.IO-BEN-делать-FUT-NEG ‘я не смогу это сделать’) и произвольности (*эк/э-шы-к/ы-гъ* INADV-делать-EL-PST ‘он случайно сделал это’), категория отгормжимой принадлежности (см. ниже). Традиционная категория версии в корпусе представляется как появление benefактива (*кы-а-ф-и-гъэ-хы-гъ* DIR-3PL.IO-BEN-3SG.ERG-CAUS-нести-PST ‘он им это прислал’), maleфактива (*кы-з-уло-з-гъэ-шы-гъ* DIR-REL.IO/REL.IO-MAL-1SG.ERG-CAUS-делать-PST ‘я представил себе это’) или общелокативного проверки (*сы-п-цы-цына-гъ* 1SG.ABS-2SG.IO-GENLOC-бояться-PST ‘я тебя испугался’). Префиксальный потенциал трактуется в корпусе по формальным признакам как разновидность benefактивной конструкции, обычно описываемой как категория версии. Прочие категории противопоставляются, хотя локативные проверки не специфицируются по значению и всегда глоссируются как LOC. Существенно, однако, что есть возможность поиска аппликативов без спецификации их функции (APP). Например, запрос APP-PERS.ERG-**-PST#* (последовательность аппликатива, эргативного личного префикса, ло-

бых морфем и конечного показателя прошедшего времени) дает результаты с benefактивным префиксом (*фэ-с-лотэ-жы-гъа-гъ* BEN-1SG.ERG-рассказать-RE-PST-PST ‘я ему это пересказывал’), с локативными проверками (*шы-ль-и-гъэ-к/ота-гъ* GENLOC-LOC-3SG.ERG-CAUS-переместиться-PST ‘он передвинул это там’) и т.д.

Дативная конструкция. В трактовке корпуса, следующей, например, [11; 17] в ряде адыгских глаголов возникает особый префикс (*йэ-*, глоссируемый как DAT («дативный»). Этот показатель является аппликативом, хотя и не специфицирует роль непрямого объекта, выводя ее из семантики основы (*кы-с-э-уш/ы-гъ* DIR-1SG.IO-DAT-спросить-PST ‘он спросил меня’). В 3 лице единственного числа личный префикс непрямого объекта отсутствует, так что при основе появляется исключительное дативный преверб. Таким образом, в корпусе не постулируется особое выражение непрямого объекта 3 лица единственного числа *е-*, как это иногда делается (но см. [11], где *е-*, как и у нас, трактуется как префикс косвенного отношения). Заметим, однако, что дативная конструкция – единственная, в которой аппликатив (дативный префикс) может исчезать по морфологическим причинам (*зы-с-а-гъэ-фэпа-гъ* RFL.ABS-1SG.IO-3PL.ERG-CAUS-одеть-PST ‘они меня заставили одеться’).

Посессивные конструкции. В притяжательных (посессивных) формах имен морфема *и-* трактуется единообразно как посессивный аппликатив, вводящий личный префикс посессора (*у-и-гухълы-шы-хэ-р* 2SG.P-POSS-намерение-добрый-PL-ABS ‘твои добрые намерения’). Хотя такие личные префиксы, как и другие личные префиксы, вводимые аппликативами, принадлежат серии непрямого объекта, для удобства пользователя в корпусе они на данный момент трактуются как представители серии посессора (PERS.P). В результате они не вполне правомерно объединяются с префиксами неотгормжимого посессора, появляющимися без префикса *и-*. Тот же посессивный *и-* постулируется в глаголе ‘иметь / быть у кого-то’ *и-лэ-* с корнем ‘быть’ и в образованиях с корнем *е-* ‘иметься’. Соответственно, он противопоставляется омонимичному локативному превербу *и-*; формальным основанием для этого является, в частности, их разное поведение при личном префиксе 3 лица множественного числа; ср. *я-лэ-х* 3PL.P+POSS-быть-PL ‘они у них есть’ vs *а-ры-сы-х* (< *а-и-сы-х*) 3PL.IO-LOC-сидеть-PL ‘они в них сидят’.

Сложные показатели. В силу принципа формальной обособленности некоторые традиционно выделяемые показатели в корпусе представляются как сочетания морфем – независимо от того, можно ли приписать им единое значение. Таковы, например, показатели времени вроде дав-

нопрошедшего -гъагъэ, который трактуется в корпусе как сочетание двух показателей прошедшего времени -гъэ (тем более, что они иногда могут разрываться, как в *къы-эз-те-уио-гъэ-па-гъэ* DIR-REC.IO-LOC-встать-PST-ASRT-PST 'он окончательно встал на ноги'), и сложные превербь (*к/э-лэы-лгъэ-эз* LOC-LOC-смотреть-SIM 'наблюдая за ним'). Исключением является так называемый показатель причастий образа действия и фактивных причастий *зэрэ-* (условно глоссируемый REL.SUB), который в силу устоявшейся традиции трактуется как единая морфема, хотя, в принципе, является членимым – синхронно или диахронически [4; 5].

Омонимия показателей -шт. Многие временные показатели содержат в качестве одной из частей элемент *-шт-*. Мы в этой связи противопоставляем показатель будущего времени FUT (сочетающийся, однако, с другими временными показателями – например, в формах вроде *я-лгъыты-гъэ-шт* 3PL.ERG-считать-PST-FUT 'это будет зависеть от них') и вспомогательный морфологический элемент – очевидно, превратившийся в аффикс вспомогательный глагол AUX, к которому далее присоединяются показатели времени, как в формах вроде *къ-ы-уаты-шты-гъа-гъэ-шт* 'они бы тебе это не дали'. Это противопоставление имеет морфонологические основания [15], то есть тоже обосновывается формально.

Показатель -н. Суффикс *-н* выступает в качестве показателя масдара (*къэ-гъэ-лгъэго-ны-р* DIR-CAUS-быть видимым-MOD-ABS 'показ, демонстрация'), а также одного из будущих времен (*н-щэ-н-х-а* 2SG.ERG-вести-MOD-PL-Q 'ты отведишь их?') и при выражении эпистемической модальности (*мак-лэы-н* (фак) мало-NEG-MOD 'должно быть, не мало'). Хотя эти функции, вероятно, полезно разграничивать – в том числе на основе сочетаемости образуемых форм с падежами, позиции суффикса в словоформе и т.д., во множестве форм принять решение об их разграничении на основе формальной информации невозможно (ср. формы типа *к/о-н* и дти-MOD 'хождение; он пойдет'). Поскольку значения *-н*, по-видимому, являются связанными, а постулирование нескольких суффиксов в данном случае приводит к огромному количеству омонимий при автоматическом разборе, в корпусе этот суффикс всегда глоссируется единообразно, как модальный показатель MOD.

5. Заключение

В этой работе мы рассмотрели формальные и концептуальные особенности разрабатываемого нами корпуса адыгейских текстов. Важнейшей характеристикой этого корпуса является морфологическая разметка, связанная с делением словоформ на морфемы и приписыванием морфемам условных ярлыков (глосс). Выше мы эксплицировали некоторые ре-

шения, принятые для Адыгейского корпуса, которые пользователь должен учитывать при работе с корпусом.

Как показано выше, при выделении и отождествлении или дифференциации разных морфем мы руководствовались в первую очередь не функциональными и семантическими характеристиками, а формальными свойствами наблюдаемых единиц. Это обусловлено тем, что разметка текстов, включаемых в корпус, проводится автоматически, а кроме того, использование корпуса, как кажется, должно подразумевать такую его архитектуру, которая наименее зависима от конкретных теорий (хотя, как мы видели, целиком избежать подобной зависимости, вероятно, невозможно).

Список литературы

1. Аркадьев П.М. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 101–120.
2. Аркадьев П.М., Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Лепучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. 2009. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка М.: РГГУ, 2009. С. 17–120.
3. Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Под ред. Я.Г. Тестелеца и др. М.: РГГУ, 2009.
4. Бижоев Б.Ч. Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт, 1991.
5. Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. 2008. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // Исследования по отглагольной деривации. – М.: Языки славянских культур, 2008. С. 290–313.
6. Гишев Н.Т. Сравнительный анализ адыгских языков. Майкоп: Качество, 2003.
7. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. I. Введение, структура слова, словообразование частей речи. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд., 1964.
8. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.
9. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
10. Ландер Ю.А. Актанты и сирконстанты в морфологии и в синтаксисе адыгейского языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 1. С. 7–31.
11. Рогачева Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное изд., 1966.
12. Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1980.

13. *Arkhangelskiy T., Lander Yu.* Developing a polysynthetic language corpus: problems and solutions // *Диалог 2016 / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* 2016. No. 15 (22). С. 38–47.
14. *Dixon R.M.W.* Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
15. *Korotkova N., Lander Yu.* Deriving affix order in polysynthesis: evidence from Adyghe // *Morphology.* 2010. Vol. 20, No. 2. P. 299–319.
16. *Kumakhov M., Vamling K.* Circassian Clause Structure. Malmö: Malmö University, 2009.
17. *Lander Yu., Letuchiy A.* Valency-decreasing operations in a valency-increasing language? // *Verb Valency Change: Theoretical and Typological Perspectives* / Ed. by A. Álvarez González, I. Navarro. Amsterdam: John Benjamins. P. 286–304.
18. *Lehmann Chr.* Directions for interlinear morphemic translations // *Folia Linguistica.* 1982. Vol. 16. P. 199–224.
19. Leipzig Glossing Rules. 2008. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (дата обращения 20.09.2018).
20. *Smeets R.* Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden: The Hakuchi Press, 1984.
21. *Vydrin A.* Are there depictives in Adyghe? // *Secondary Predicates in Eastern European Languages and Beyond* / Ed. by Chr. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder. Oldenburg: BIS, 2008. P. 424–445.

SOME SPECIFIC FEATURES OF THE WEST CIRCASSIAN ELECTRONIC CORPUS

Lander Yury Aleksandrovich
National Research University Higher School of Economics,
Institute of Oriental Studies RAS
e-mail: yulander@yandex.ru

Arkhangelskiy Timofey Aleksandrovich
Universität Hamburg
e-mail: timofey.arkhangelskiy@uni-hamburg.de

Bagirokova, Irina Garunovna,
Institute of Linguistics RAS, National Research
University Higher School of Economics
e-mail: ibagirokova@yandex.ru

Abstract: The paper deals with concepts and formal conventions which are accepted for the West Circassian electronic corpus by its authors. The ideas discussed here are induced by the specifics of automatic morphological parsing of West Circassian texts required for grammatical annotation of morphemes and word forms.

Key words: West Circassian corpus, West Circassian, corpus linguistics.

ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Лихова Ната Урусбиевна, канд. филол. наук,
Абхазский государственный университет

Аннотация: Работа посвящена средствам выражения концепта «время» в абхазском языке. Это, в первую очередь, морфологическая глагольная категория времени в виде настоящего, будущего и прошедшего времен. Наиболее специализированными средствами выражения времени являются наречия, имена существительные, деепричастия и фразеологические обороты.

Ключевые слова: концепт «время», картина мира, концептосфера, элементы картины мира.

Система концептов образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности. Человек живет не столько в мире предметов и вещей, сколько в мире концептов, созданных им для своих духовных и социальных потребностей. Когнитивная лингвистика занимается изучением концептосферы – феномена ментального мира, совокупности взглядов народа и каждой личности на окружающую действительность, заложенных в минимальных единицах-концептах. В данной статье нас интересует концепт «время» как элемент абхазской картины мира, а точнее – способы ее выражения в языке.

Категория времени отражается в языке, как и другие наиболее общие свойства бытия, т.е. язык описывает действительность, существующую во времени.

Абхазский язык обладает системой средств выражения времени, позволяющей отразить как результаты философского, естественнонаучного осмысления феномена времени, так и стереотипы обыденного восприятия времени, являющиеся одним из объектов настоящего исследования.

Среди всех средств выражения времени особое значение имеет четко организованная морфологическая глагольная категория времени, позволяющая объективировать восприятие временных отношений в действительности. Представления о времени, реализованные в морфологической глагольной системе, по своей сути антропоцентричны и дейктичны, т.е. ориентированы на говорящего в момент речи.

В абхазском языке есть набор лексических и грамматических средств, передающих различные временные значения. Наиболее специализированными для передачи категории времени из частей речи являются наречия: *иахьа* – «сегодня», *уач/вы* – «завтра», *иацы* – «вчера», *ашыквс* – «год», *ами* – «день», *аи/х* – «ночь», *жэвами* – «декада»,